

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Наталья Азарова. «теория плавания» и др. стихи

эта недолжность солнца / уже и небеса приспущены / аутичные куски неба повисли над городом / моя заначка причалов / в зажёванной воде исчезает / пенный тремор / дрожь правящей руки / душа прошлого раза / вспоминает радость первого шлюза / глаз утыкается в забытые одёжки божества / наставшая пропажа очевидна / ты стоишь на балконе и как будто не замечаешь / что я ещё не родилась / но каждый месяц уже не удерживается / в своём времени года

Марианна Ионова. Меркурий. Роман

Мне приснилось, что я работаю в частной гинеколога-стоматологической клинике «Vagina Dentata», и вот ее директор, он же главврач, Рамадан Караевич Уматгиреев собрал всех на планерку для обсуждения текущих проблем и промежуточных результатов. Первым пунктом шли цифры, а именно необходимость поднять их в кратчайшие сроки без дополнительных вложений. Затем Уматгиреев отметил тех стоматологов, которые назначили своим пациентам УЗИ органов малого таза, и тех гинекологов, которые назначили своим пациентам КТ зубов...

Кирилл Александров. «Каждый день как годовщина всего...» и др. стихи

Густой хоровод облаков хвостатые кружева / проверяют на прочность новые связи / снежный уличный быт свежей выпечки еле / слышное пение сквозь стекло / лабиринты колодцев танцующий гостеприимный вопрос / воспоминания как кубики для игры / камешки на ковре крепость и красота фигуры // Выстроенный свет но только пару часов в день / полярный полдень вкуснее чая ярче звезды / стук колес или звон колокольчика или другого цветка / кипячение и все другие процессы где шум и тепло / пар из отверстий кухонный старый конфликт // Прочность связей старых ли новых не важно / время дикой охоты небо сухая трава лес из звёзд / тюрьма сухожилий гражданский суд над футболистами / и духовенством драконых зубов сыновей // Изгородь из дверей пол из книг / стена из сомнений оконные рамы фантазий / усталость счастливой возни / танцы и клавиши где там Москва и другие миры / быть настолько свободным что перестать / двигаться вовсе шить и вязать / саван горизонтальных надежд // Зима сколько лет себя помню была только словом / все другие давно реальность – вода и её состояния / воздух и невозможность любых картографий / на завтрашнем празднике будет другой / и другая

Наталья Черных. «Старый органист» и др. стихи

– он дул в полый ткацкий навой – / стало невидимо ткацких навоев – / скоро пошел – так из страны в страну пешим идут – / да ступени земли / танцевали // то не ветер был – что большие ветра идет на земле – / – топал наверх – / по ступеням // – скорость уже подросла – как ребенок растет – / вдруг заметно / так пара строгих ворон – / погружается в снежное облако – // пыльные тянут ступени назад / сколько на них времени и пространства / сколько воспоминаний чужих // сжав себя в кулак – / – переломив может быть даже смерть – / застарелые недомогания / точно расставив / по местам // перебирать / ему дорогие ступени / ногами / которых и нет уже / только она – длинноногого и споро – / в дежурной больничной одежде / бежит по ступеням – / – сквозь встречных событий подъезды – / набухшие от ожидания двери – / закрытые – / как перед носом – / квартиры // из окон уже наблюдаются крыши // пока анфилада начищенных солнцем дверей / не развернется // навой у ткача повернулся / и грозно глядит из-под брови // трубы заголосили – грозно и сипло – / с присвистом снежным колючим // наконец дверь / замшелая космоса дверь / удобренная / миром и всякой надеждой всего человека / ржавый замок

*растворила // тайны – все тайны веков и богов – / ключьями пыли повисли на двери / дверь
вост и призывает / пока не откроется досыта // чтобы ноги бегуны / обратно к Суду
поспешили / чтобы Младенец Судья / звезды в темной прихожей рассыпал / детской руки
тепло / остывает так быстро // некому праздник устроить Ему / Он и Сам учредить
торжество сумеет /*

Евгения Скобина. О крысах, людях и лабиринтах. Рассказ

Кинцуги стояла перед входом в тоннель. Бисерина носа подрагивала, и она с шумом вытягивала воздух. Мерцали огни, а провода, которые шли вдоль грубо сколоченного плинтуса, отсвечивали. Пахло деревянными опилками и хлебом. Не теми жалкими корочками, которыми ее кормили, а свежим и пряным. Хлебом с завода № 22, который поглощал в лаборатории Рыжый. Хлебом, который давала ей только девушка...

Елизавета Чернова. Необратимое

*Улица. / Тени расплываются / незнакомцами. / На лицах / обкромсанные,
раскрашенные / выражения собственного Я. Вот: / Я довольное – рыжее, / Я усталое –
асфальтовое. / Кафельная мозаика, / дробление морулы-первочастицы: / колени, ресницы,
уши. / Мертвое общество душит возможности. / Когда кожа не ощущает / от сенсорного
избытка, / вливаюсь в сорные мысли, скорые кадры памяти, солёное детство. / Пытка – /
вспоминать свой цвет и свое место. / И если их вовсе нет? // Чувствую / инаковое индиго.
/ Иди – говорит – дикая, в Индию / и переродись, наконец, во что-нибудь золотое.*

Андрей Торопов. «Что ты выбираешь – славу или счастье?..» и др. стихи

Что ты выбираешь – славу или счастье? / Потому что вместе получить нельзя. /
Затаившись нешкой, пережить ненастья / Или выбрать гибель гордого ферзя? // Если
выбрать славу, надо быть фальшивым, / Нравиться не этим, говорить не то. / Попадать
под грязи, слухи и поливы, / Надевать от мира толстое пальто. // Если выбрать счастье,
надо быть счастливым, / Никого не слушать, всем обалдевать. / И к цветущей груше, и к
цветущей сливе / Прикасаюсь нежно, грядки поливать.

Сергей Антипин. Человек имени... Рассказ

Ударившись головой о дверной косяк, он забыл своё имя и выронил ключи. Ему бы заметить потерю, предпринять какие-то действия, сделать хоть что-нибудь. Но он забыл.

На месте удара проклюнулось беспмятство – и по неосторожности прямо туда он их выронил, в эту образовавшуюся замочную скважину.

Мир больше не держится в нём как прежде. Просачивается, перетекает. Не держатся и ключи, и имя. И любой жест разжижается в пространстве.

Действия дырявы, их не наполнить настоящим...

Анастасия Никитина. Жмурки. Рассказ

Ярко светит солнце, я щурюсь, глаза слезятся. Я долго смотрю на канат, примеряясь. Он свисает с турника: Его растрепанный кончик похож на хвост дедушкиного коня. Чтобы дотянуться до него, мне нужно встать на верхнюю перекладину-ступеньку, и когда я окажусь перед лазом в форме ракеты, важно удержат равновесие и притянуть к себе кончик, схватить его обеими руками и оттолкнуться от ступеньки. Я пролечу всего лишь полтора метра туда и столько же обратно. Детские радости тягучи и эластичны, как «Turbo»...

Костя Ямщиков. «моя годзилла мне сказала...» Стихи

*1 // моя годзилла мне сказала / давай поехали родной / и близ московского вокзала /
вот так махнула лишь рукой / и поезд тронулся струной / с детьми моими и женой / а я*

остался // 2 // мы думали, что мышшь скребется / а это мышца сокращается / думали, что свет погас внезапно / а это с веток ночь сорвалась раньше срока / сплошным потоком темно-лиловым / еще подумали, что слива плодоносит / особенно обильно в этот раз / а это так оно и было / действительно – что слива / и урожай необычайный / и за полночь поставили уж чайник / полупустой скорей для звука / и посмотрели друг на друга / внимательно и откровенно так / что засмутились оба (...)

ДРАМАТУРГИЯ

Владимир Друк. Кавычка. Пьеса

ОН: ...не жалею, не зову, не плачу.

ОНА: Да. Как у Чехова: «ты не звонил, не писал, не писал».

ОН: Я думал, ты не хочешь меня видеть.

ОНА: Как у Гоголя: «я не хочу тебя больше видеть, я не могу тебя больше любить».

ОН: У меня всё хорошо, правда, у меня сейчас всё хорошо.

ОНА: Как у Чехова: «он не хотел её видеть, она не хотела его слышать».

ОН (показывает, будто целится в неё из воображаемого ружья, нажимает воображаемый курок): Бум! Бам! (...)

NON-FICTION

Тимур Уразбахтин. Между Хайдеггером и баяном. Автоэтнографический очерк

В недрах нашей необъятной родины сокрыт сонм наций – почти две сотни. Некоторые из них, подчиняясь жестким законам истории, постепенно стусевываются, навсегда растворяясь во времени, лишь эхом отзываясь в обертонах чужих культур. Это обстоятельство предлагаю рассматривать в жанре человеческой трагедии, а переживание трагедии, как известно, имеет большой терапевтический потенциал. Для меня этот исторический процесс одновременно личная драма и самотерапия...

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Сергей Морейно. Одиссей не возвратился

...Остаются открытые вопросы. Например: в какой мере текст порождает автора? Если добавить «а не наоборот», получится уровень [мета]реальности, на котором писали Ролан Барт («Смерть автора») или Мишель Фуко («Что такое автор?»). У них речь так или иначе шла о сотнесенности смыслов с людьми, языка с читателем, процесса письма с его результатом – не о тексте как медиуме. Но как раз это – а еще читатель, наблюдатель как улавливающий контур (Наталья Майорова) – заставляет меня множить нижеприведенные соображения...

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Во всяких приключениях

(Окончание. Начало см.: Волга. 2026. №№ 3-4, 5-6)

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена Севрюгина. Экскурсия с лёгким привкусом ностальгии

О кн.: Вет, где хочет. Где и как жила русская поэзия в 1990–2000-х

Оксана Штайн. Вторая навигация

О кн.: Вторая Навигация. Альманах. Выпуск 18

Елена Севрюгина. Новые «страшные» смыслы мировой литературы

О кн.: Андрей Бычков. Наконец-то не конец

Кирилл Ямщиков. Прогулка вдоль полночи с переносным ненастьем за плечами

О кн.: Жан-Жак Шуль. Явление призраков. Роман. Пер. с французского Анастасии Захаревич